

УДК 329.7(=411.16)(477+438.15)«1900/1902»

О. Г. ГУЛА, В. Д. ГУЛА*

**СПОГАДИ ЧЛЕНА ЦК БУНДУ МОЙСЕЯ РАФЕСА
ПРО БІЛОСТОЦЬКИЙ ПЕРІОД
ДІЯЛЬНОСТІ ОРГАНІЗАЦІЇ
(1900–1902 РОКИ)**

Публікуються спогади одного із засновників Загального єврейського робітничого союзу в Литві, Польщі і Росії (Бунду) – лікаря Мойсея Рафеса. У спогадах описується структура організації, повсякденне життя її членів та зміни їхніх поглядів на політичну діяльність союзу.

Ключові слова: Бунд; соціалізм; анархізм; робітничий рух; Білосток.

У фонді 41 «Єврейські політичні партії і організації (об'єднаний фонд (1902–1931))» Центрального державного архіву громадських об'єднань України зберігаються документи, пов'язані з розвитком єврейського соціалістичного руху. Зокрема, йдеться про спогади М. Рафеса, в яких висвітлено ранній етап ідейно-організаційного формування Загального єврейського робітничого союзу в Литві, Польщі і Росії (Бунду)¹.

Автор спогадів – один із засновників цієї організації, керівник її відділень в Україні, лікар за професією Мойсей Григорович Рафес. Народився у Вільно у 1883 р. Отримав традиційну єврейську освіту, потім навчався в російській школі та гімназії. Під час навчання ознайомився з ідеями єврейських соціал-демократів і активно долучився до політичної діяльності. Двічі був ув'язнений та відбував покарання. Після другого арешту (у 1916 р.) його звільнили лише після Лютневої революції. Тоді ж, як один із лідерів Центрального комітету Бунду, М. Рафес став представником виконавчого комітету Петроградської ради робітничих і солдатських депутатів. Того ж 1917 р. прибув до Києва, очоливши одну з організацій Бунду тут. Згодом М. Рафес увійшов до Української Центральної Ради та став членом Генерального секретаріату. На початку політичної кар'єри він відстоював ідею про

* Гула Оксана Григорівна – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник відділу технологічного забезпечення архівної справи Українського науково-дослідного інституту архівної справи та документознавства;

Гула Володимир Дмитрович – кандидат історичних наук, докторант відділу української історіографії Інституту історії України НАН України.

особливе становище єврейського пролетаріату в порівнянні з представниками інших національностей. Проте, вже у 1918 р. М. Рафес перейшов на позиції більшовизму². Саме в цей період і були написані зазначені спогади. Вони присвячені періоду 1900–1902 рр., тобто часу, коли відбувалося структурне та ідейне становлення Бунду. Публікується перша частина зазначеного документа, а саме перші 3 параграфи, в яких висвітлено, насамперед, структуру тогочасної підпільної організації, повсякдення активного учасника революційного руху, а також найактуальніші питання, що викликали дискусії у лавах adeptів соціалізму.

Дослідження початкового періоду існування Бунду почали з'являтися одразу після завершення Громадянської війни. І хоча В. Ленін у дореволюційних працях виявляв здебільшого неприємне ставлення до цієї організації (через її спроби здобути статус автономії у складі російської соціал-демократії), його точка зору ще не вважалася абсолютною істиною. У цей період були створені праці А. Кремера³, Н. Бухбіндера⁴, А. Юдицького⁵ – колишніх функціонерів Бунду, в яких основна увага приділялася розкриттю ідейного та організаційного розвитку партії, розбудові місцевих партійних осередків. У той же час з'явилася низка праць більшовицьких діячів, метою яких було обґрунтування лєнінського підходу до взаємовідносин РСДРП(б) із Бундом⁶. Зрештою, із відродженням російського націоналізму в більшовицькій ідеології із середини 1930-х років, у радянській історіографії утвердилася думка про Бунд як про вузьконаціоналістичну променшовицьку фракцію, що прагнула розколоти загальноросійський соціал-демократичний рух⁷. Відповідно, дослідження цієї партії не в контексті розвінчання її ідеології більшовиками були призупинені. Після розпаду СРСР дослідження цієї проблематики відновилися. Тут варто відзначити видання збірки «Бунд: документи та матеріали. 1894–1921»⁸, до якої увійшли спогади членів партії, агітаційні матеріали, резолюції з'їздів тощо. Комплексна реконструкція процесів зародження Бунду та розбудови мережі місцевих організацій представлена в працях В. Гусєва⁹. У той же час на сьогодні бракує досліджень та публікацій джерел щодо роботи Бунду на місцях, створення низових організацій, повсякденного життя партії. Тому публікація запропонованого нами джерела є актуальною в контексті розвитку історіографії проблеми.

Формально Бунд був заснований у вересні 1897 р. на установчому з'їзді у Вільно. Однак, уже з 1895 р. єврейські соціалістичні групи були пов'язані між собою і сконцентровані навколо віленського гуртка. Фактично в той самий момент Вільно перетворилося в центр соціал-демократії Російської імперії. Через Бунд йшла література від закордонних організацій, єврейські марксистки мали міцні зв'язки з

усіма найбільшими підпільними організаціями від Петербурга до Києва. Представники Бунду брали участь у підготовці та в роботі I з'їзду РСДРП у Мінську.

Бунд виріс із марксистських гуртків західних губерній Російської імперії. Теоретичною основою об'єднання цих груп та гуртків став реферат Ю. Цедербаума (Ю. Мартова) – у майбутньому одного з лідерів фракції меншовиків у РСДРП, зачитаний ним 1895 р. на травневому святі єврейських робітників м. Вільно та виданий пізніше під назвою «Поворотний пункт у єврейському робітничому русі»¹⁰. Автор намагався представити програму подолання нерівноправності євреїв у Росії шляхом проведення соціалістичних перетворень в усіх сферах буття соціуму. Приділення значної уваги національному питанню у програмі Бунду пізніше призведе до конфліктів із російською соціал-демократією, зокрема із більшовицькою фракцією.

Одним з актуальних питань для тогочасних політичних сил революційного табору було ставлення до застосування терористичних методів. З 1901 р Бунд відмовився від «економічного терору», бо він «затемнює соціал-демократичну свідомість робітників»¹¹. М. Рафес у спогадах піддав нищівній критиці спроби застосування терористичних методів ведення економічної боротьби, віддаючи при цьому перевагу власне економічним методам, насамперед, бойкоту.

У цьому документі знайшло своє відображення і протистояння соціал-демократії та соціально-політичного вчення, що пізніше дістане назву «махасєвщина» (від прізвища політичного діяча Я.-В. Махайського, який створив це вчення у систематизованому вигляді). Це – анархістська за своєю сутністю теорія, що передбачає відмову робітників від союзу з інтелігенцією, оскільки остання прагне використати пролетаріат у власних політичних цілях, нехтуючи власне інтересами робітників¹².

Вибір пріоритету між політичною та економічною боротьбою являв собою центральне питання для тогочасних соціалістів не тільки в Росії, а й у країнах Західної Європи та США. Стрімке економічне зростання, що періодично переривалося економічними кризами (про один із них М. Рафес згадує у спогадах), все ж таки мало наслідком зростання чисельності робітничого класу. Промисловий розвиток передбачав ускладнення процесів виробництва, а, отже, й збільшення ваги професійних відносно високооплачуваних робітників, яким вже буде що втрачати, окрім своїх кайданів. Тому логічним виглядав примат саме економічної боротьби, що на пряму вела до підвищення рівня життя пролетаріату. Цією логікою керувалися не тільки адепти ідей Е. Бернштейна щодо еволюційного шляху зміни соціально-економічних формацій, а й Департамент поліції. Під керівництвом останнього були створені легальні робітничі організації, що боролися за покра-

щення матеріального становища та декларували відстороненість від політики. Натомість Департамент поліції допомагав їм шляхом тиску на підприємців. «Успіхи» цих організацій вели до падіння популярності революційного марксизму. Ось свідчення О. Спиридовича, на той час співробітника Московського охоронного відділення: «Все більш значне і серйозне по роботі було вислане адміністративним порядком до Сибіру, частину ж було звільнено через невинуватість або для потреб агентури, або щоб замаскувати деякі звільнення останньої категорії. Багато заарештованих, якщо й не пішли співробітничати, то були розпропагандовані Зубатовим, відірвані від соціал-демократії, вийшли з її лав і вирішили присвятити себе легальній роботі серед єврейства і боротися з “Бундом”. Так було створено організацію мінських “незалежних”, що дуже стурбувало революційні кола...Тоді ж відійшла від “Бунду” і пішла в легалізацію група молодих єврейських письменників, на чолі з Воліним, з яких вийшли фанатичні прихильники Зубатова. Зубатов вніс тоді великий розкол в єврейський соціал-демократичний рух, але придушити роботу “Бунду” з Москви не вдалося»¹³. Це явище отримало назву «зубатовщина», за прізвищем винахідника такої схеми – керівника Московського охоронного відділення С. Зубатова.

У таких умовах для адепта революційного марксизму на перший план виходило утвердження пріоритету політичної боротьби. І тут його союзником ставала політична система самодержавної монархії, що вже не відповідала інтересам соціально-економічного розвитку держави та продовжувала опиратися спробам її реформування.

Текст друкується за рукописом, у авторській редакції. Підкреслення виділено курсивом. Примітки автора друкуються у вигляді посторінкових виносок. Окремі слова, написані мовою ідиш, перекладено нами та оформлено у вигляді виносок наприкінці тексту документа; так само оформлено пояснення деяких специфічних термінів, що зустрічаються у тексті.

¹ ЦДАГО України (Центральний державний архів громадських об'єднань України). Ф. 41. Оп. 1. Спр. 11. Арк. 16–78.

² Евреи России. Государственная политика и антисемитизм. Рафес Моше. URL: <http://eleven.co.il/jews-of-russia/state-and-anti-semitism/13456/> (дата звернення: 05.07.2018).

³ Кремер А. Основание Бунда [1922 г.] // Пролетарская революция. 1922. № 11. С. 50–56.

⁴ Бухбиндер Н. История еврейского рабочего движения в России. По неизданным архивным материалам. Ленинград. 1925. 338 с.

⁵ Юдицкий А. «Бунд» в Черкасском районе в 1904–1905 гг. // Летопись революции. 1923. № 5. С. 136–146.

⁶ *Агурский С.* Борьба против уклона на историческом фронте (к вопросу об исторической роли Бунда) // Пролетарская революция. 1923. № 11. С. 108–117; *Диманштейн С.* Бунд на II съезде РСДРП // Борьба классов. 1933. № 8/9. С. 106–112.

⁷ *Шестак Ю.* Борьба большевистской партии против национализма и оппортунизма Бунда. Москва. 1980. 112 с.

⁸ Бунд. Документы и материалы. 1894–1921 / сост: Ю. Амиантов, К. Ляшенко, И. Розенталь, З. Перегудова, З. Тихонова. Москва. 2010. 1360 с.

⁹ *Гусев В.* К вопросу о зарождении бундовского движения в Украине (конец XIX – начало XX века): новые архивные данные // Вестник еврейского университета в Москве. 1996. № 2/12. С. 104–133.; *його ж.* Бунд в суспільно-політичному житті України (кінець XIX ст. – 1921): автореф. дис. ... д-ра іст. наук: 07.00.01 / Гусев Віктор Іванович; Київський університет імені Тараса Шевченка. Київ, 1999. 36 с.

¹⁰ *Панавас Ч.* Борьба большевиков против оппортунистической теории и политики Бунда (1903–октябрь 1917 г.). Москва, 1972. С. 9.

¹¹ *Гула Р., Гула В.* Агония Лефиафана. Часть 1. Пассионарии и юродивые. Политический террор и терроризм в Украине (1900–1914 гг.). Киев, 2016. С. 293.

¹² Я.-В. Махайский // Политическая история России в партиях и лицах / сост. В. В. Шелохаев. Москва, 1994. С. 291–304.

¹³ *Спиридович А.* Записки жандарма. Москва, 1991. С. 67.

Рафес М.

Белостокский период в жизни ЦК Бунда (1900–1902)

[1918–1921]

1. Белостокская организация Бунда в 1899 году.

Содержание этого очерка, с одной стороны, шире данного нами ему заглавия, с другой, – уже. Шире потому, что он охватывает по времени весь период моего пребывания в Белостоке, который начался несколько ранее и включает в себя нашу работу в местном рабочем движении, т. е. в местной организации Бунда. С другой стороны, стесненный небольшими представленными мне рамками, я вынужден быть краток и преимущественно касаюсь внешних штрихов, технических деталей, имен, дат, фактов, чтобы закрепить на бумаге то, что так легко испаряется из памяти. Описываемый промежуток имел крупное значение в жизни Бунда. Именно в эти годы зародились и получили определенное направление множество важнейших политико-общественных течений, возникли множество программных, тактических и организационных вопросов в связи с ростом революционного движения по всей России вообще и Бунде в частности. Из дальнейшего изложения это выступит с достаточной ясностью, но вследствие недостатка места, я буду останавливаться лишь в минимальной степени на их теоретическом освещении, на выяснении политических, партийных и организационных взаимоотношений, на литературных явлениях, на происхождении и сущности разногласий, на содержании дебатов.

Многое из этого заключается в тогдашней литературе*, ко многому можно будет вернуться впоследствии.

В Белосток я приехал осенью 1899 года. Удобством в моей медицинской профессии было то, что мы, по необходимости, снимали самостоятельную обывательскую квартиру, в которой можно было делать, что хотели и в которую можно было заходить во всякое время дня и ночи, не возбуждая подозрений у соседей и полиции. Невыгодной стороной было то, что «общественное положение» и открытые для публики двери затрудняло для нас посещение рабочих квартир, а во избежание нашего провала делало невозможным наше появление на массовых собраниях. Ходить на рабочие квартиры, в условиях жизни небольшого провинциального города, я мог только по вечерам, с соблюдением всяческих предосторожностей.

Ко времени нашего переезда, Белостокское еврейское рабочее движение переживало весьма трудное время. Совсем недавно перед тем, летом, политические репрессии вызвали много жертв и внесли напуганность в массы. Число организованных членов сильно упало. Видных работников стало мало. Размах агитации и пропаганды понизился, движение вообще прозябало. Но кроме того, как раз в это время свирепствовал экономический кризис, потрясший промышленность не только в этом текстильно-фабричном центре, не только по всей России, но и во всем мире. Ткацкие, прядильные и мануфактурные фабрики Белостокского района бездействовали или работали слабым темпом. Заработная плата ткачей понизилась на 1–2 копейки с мотка. Удерживать прежний добытый упорной стачечной борьбой 10 часовой рабочий день, становилось очень трудно. Лойнкетничество¹ снова подняло голову. Кризис отозвался на всей экономической жизни города, на положении ремесленных рабочих, приказчиков и т.д. Эта катастрофа произвела сильное впечатление на белостокских рабочих, в особенности, на ткачей, и она их глубоко заинтересовала также с теоретической стороны, с точки зрения познания. Действительно, настоящих экономических кризисов не было уже в течение нескольких десятков лет. Казалось, что они являются уже пройденной ступенью, как и политические революции в Зап. Европе. Многие экономисты так и смотрели на них, как на дело прошлого. И вдруг он пришел снова, этот таинственный кризис, пришел среди белого дня, неожиданный, неизвестно откуда и неизвестно почему.

Учреждения, составлявшие тогда Белостокскую организацию были следующие: сходки, агитаторское собрание и комитет. Сверх того были для целей пропаганды и различные рабочие и интеллигентские кружки, периодические «дискуссии» и непериодические массовые и немассовые собрания. Все учреждения составлялись *сверху*. Комитет подбирал самые лучшие, самые надежные, наиболее сознательные силы из рабочей среды и интеллигенции и составлял из них «агитаторское собрание». Раз возникши, оно расширялось или пополняло свой состав путем самокооперации. Это агитаторское собрание, в которое входили рабочие важнейших «фахов» организовывало в каждой профессии ячейки из наиболее развитых рабочих, которые назывались

* Рекомендуем с этой целью, между прочим, изданные впоследствии (в 1906–7 гг.) «Материалы по истории еврейского рабочего движения» вып. I и II, «За два года» т. I, собрание статей из «Искры».

сходками. Сходки не знали о существовании «Агит. Собрания». Последние не знали состава комитета. Комитеты не знали состава Центрального Комитета. Снизу доверху все было законспирировано. Инициатива политическая и экономическая передавалась сверху вниз и снизу вверх через тех членов агитаторского собрания, которые входили в состав данной сходки и считались представителями «Комитета». Комитет обыкновенно целиком входил в состав агитаторского собрания, но последнее могло лишь догадываться о том, кто входит в Комитет. Официально существовал для него лишь *представитель* Комитета, который открыто выступал, как таковой.

К функциям комитета принадлежало общее руководство движением, поддержание связи с Ц.К., делегирование представителей на Съезды и конференции, издание прокламаций, летучих листов местной газеты и т.д. еще в нашу бытность в Белостоке, Комитет стал *избираемым* «Избирательской Коллегией». Стало «Агитаторское Собрание», логически получался заколдованный круг. Коллегия составляется Комитетом, Комитет избирается Коллегией. В действительности же агитаторское собрание, раз составленное, продолжало уже жить самостоятельной организационной жизнью, за исключением редких случаев, когда в нем подозревался провокатор и когда оно вследствие этого распускалось Комитетом для составления нового из окончательно профильтрованных членов. Такие случаи напр. Имели место в Варшаве. Или в случае повального разгрома агит. собрания жандармерией, когда по поручению Ц.К. приезжали новые деятели и формировали новое агит. собрание.

Наше проникновение в недра белостокской организации Бунда свершилось *с головы*. К нашему приезду комитет состоял из трех лиц: Абрама, которого звали впоследствии любовью «Дер тате»², Бенче-ткача (фамилия его была Левин), и Хаче Мунвеса, тоже ткача. Из этих трех лиц Хаче позднее превратился в «интеллигента», изучив зубо врачебное искусство, Бенче во время мировой войны, после эвакуации Белостока, обратился в земского служащего, а Абрам дер тате в 1908 году уехал в Америку. Тогда он был настоящим «профессионалом», душой и телом отдавшимся движению, неизвестно чем питавшимся и где имевшим приют*. Преданность его работе, самоотверженность и безпритязательность не знали границ.

В один прекрасный вечер Анна пришла в сопровождении Хаче. Последний вел с собой Бенче и Абрама, и процедура вступления нашего в Комитет свершилась. Отныне он состоял из 5 членов. Я был наречен «Носоном», Анна «Юдис» – имена, которые далее нашего белостокского муравейника не получили распространения.

2. Агитаторское собрание.

Вслед за сим последовало наше вхождение в агитаторское собрание. Оно не было многолюдным. В общем число его членов не превышало 12–15 человек. Кроме нас пяти туда входили б) Рахмиил – портной, небольшого роста,

* Он был профессионалом задолго до того, как такая категория официально появилась в Бунде, но профессионалом без содержания, так как братья от организации на жизнь считались как-то зазорным. Он перебивался мелкими случайными уроками.

живой и толковый, 7) Довид – ткач, худой, вялый, без боевого темперамента, 8) Мордхай – кожевенник, физически крепкий, здоровый, преданный работе, но впоследствии сильно тормозимый в этой работе своей «обывательской», не принадлежавшей к движению женой, 9) Эльке – шпулярка³, способная девушка, выдвинувшаяся после, как активная, видная деятельница, 10) Бендет – кожевенник, молодой, дельный, 11) Иосель – ткач, высокий, медлительный, разсудительный, немного напоминавший «Лангзама». Было еще несколько человек, которых я сейчас не припомню. Позднее туда вошла Оля, или Хана (Анна Розенфельд, впоследствии жена Абрама Гинзбурга, на время приехавшая из Витебска в Белосток). Кооптирована была также Эсфирь Рискинд, погибшая в 1905 году трагически от взрыва бомбы, брошенной белостокскими анархистами на улице в полицейских. Временным членом агитаторского собрания был также Мойше Меер, очень видный бундовский работник, ткач, приехавший на время из Лодзи. Разумеется в состав этого собрания (и Комитета) вошел также Бейнуш (Избицкий) приехавший в конце 1900 года в Белосток из Полтавы, где он отбывал свою высылку и откуда он скрылся до окончания срока. Здесь у нас он окрещен был «Лейзером». Вошла также приехавшая позднее портниха Этка и нек. др.

Агитаторское собрание заседало обычно раз в неделю, в экстренных случаях чаще. Происходили заседания на одной из рабочих квартир в лабиринте переулков и деревянных домиков «Ханайкес» – рабочих кварталов города. Чаще всего в комнате Довида-ткача. Летом они переносились в обширный белостокский лес на одной из полян около только что проложенного Барановичского шоссе. Заседания происходили весьма живо. Вопросов было много, касавшихся и экономической борьбы и политической тактики и организационной жизни. Главные фахи, жизнь которых докладывалась и обсуждалась тут были: 1) ткачи, 2) прядильщики, 3) нуперкес⁴, 4) шереркес⁵, 5) шпуляркес, 6) гарбер⁶, 7) валкер, 8) шнайдер⁷, 9) папиросницы, 10) приказчики.

3. «Дискуссии».

Все эти лица входили также в состав весьма важного для развития социал-демократического сознания органа, который воскрес с нашим приездом и собирался тоже весьма правильно, обычно по пятницам вечером и назывался «дискуссией». Но туда входили и другие менее видные члены организации по выбору агитаторского собрания: сходочники, полуинтеллигенты, некоторые члены «интеллигентского кружка». Эти новые лица, заранее намеченные, предлагались на благоусмотрение самой «дискуссии» и, конечно, проходили там. Кроме поименованных выше членов агитаторского собрания, назовем еще двух полуинтеллигентов Хаима и Берела, которых за глаза называли «иолдами», затем некоего Бомштейна, бывшего солдата из Осовца. Было несколько работниц, нуперкес и шереркес, имен которых не припомню. В общем, число членов дискуссии доходило в начале до 15–18. Больше и нельзя было собирать по квартирным условиям. Летом и они происходили в лесу, обыкновенно по субботам, и нередко предшествовали или следовали за агитаторскими собраниями. Ни те, ни другие ни разу при нас не были накрыты. Позднее «дискуссии» были разделены на 2 группы.

Из вопросов, которые дебатировались на этих дискуссиях, я вспоминаю следующие: об экономических кризисах, о протекционизме, о политической и экономической борьбе, о стачках, о бойкоте, о демонстрациях, о политическом терроре, об экономическом терроре, о трех формах еврейского рабочего движения, о том, как держаться на допросах, о зубатовщине и независимых, о национальном вопросе, о сионизме, о П. П. С., об интеллигенции, о саморазвитии.

Все эти вопросы носили тогда самый актуальный, злободневный характер и вызывались тогдашними условиями внутренней жизни организации и внешней менее и более отдаленной среды. И богатство вопросов, из коих большинство возникали тогда *впервые*, свидетельствует о возрастающем усложнении политической жизни и партийных и внепартийных отношений.

Первые две темы стояли, конечно, в прямой связи с экономическим кризисом. Значение протекционизма обсуждалось в связи с ролью иностранного капитала (вопрос, усердно обсуждавшийся тогда в легальной печати), выводящего отсталое промышленное государство из того тупика, в который вводит его система протекционизма. Взаимоотношение между политической и экономической борьбой было любимой темой того периода, когда подымалась волна протеста против «экономизма» и «станкизма», когда начиналась страстная полемика в Швейцарии между группой Плеханова и «Союзом русских с.д. за границей» и зарождалась «Искра». Соответственно этому дискутировалось и пересматривалось значение стачек. Бойкот, как форма экономической борьбы, был поставлен на обсуждение в связи со статьей на эту тему в польском «Robotnik». Дебаты о нем оставили такой след в членах организации, что при первом же подходящем случае он был пущен в дело. Это имело место по отношению к белостокской табачной фабрике Яновского, у которого работало около 300 евр. работниц. Он уволил несколько десятков папиросниц и заменил их крестьянскими девушками в расчете, что те будут более податливыми. Вместо забастовки, которая обошлась бы весьма дорого и повлекла бы, быть может, окончательное вытеснение еврейских работниц, организация провозгласила бойкот всем произведениям его фабрики. Об этом было выпущено несколько печатных прокламаций. Об этом повели усиленную агитацию словесно в городе и окружающих местечках. Об этом дали знать во все соседние города, где находили сбыт его папиросы. Бойкот имел полный успех. Агитации, несомненно, в значительной степени способствовала национальная подкладка этого конфликта, вследствие чего и мелкая буржуазия еврейская с готовностью покупала папиросы Шерешевского вместо изделий Яновского. Последний пошел на уступки. Евр. папиросницы были возвращены. Был выпущен новый листок о победе и о прекращении бойкота. Как курьез отмечу, что по поводу последнего листка от некоторых членов организации исходили упреки, что не следовало рисковать печатанием и распространением листков, цель которых содействовать Яновскому в продаже его папирос.

Демонстрации тогда начинали становиться привычным проявлением нарастающего революционного настроения. В Белостоке это проявилось 2 марта 1901 года по поводу смерти одного рядового деятеля движения – щетинщика. С необычайной быстротой была созвана рабочая масса и за катафалком совер-

шенно неизвестного рабочего двинулась двухтысячная толпа. Город смотрел с изумлением на эту невиданность. И как раз на следующий день в Петербурге на Казанской площади разыгралась знаменитая студенческая демонстрация, сопровождавшаяся свирепыми избиениями. За ними последовали демонстрации в других городах. Случайно и независимо Белосток приобщился к великой демонстрационной волне, пронесшейся по стране.

В Белостоке демонстрация обошлась благополучно. В Питере, как месть за полицейские зверства и отдачу студентов в солдаты последовал выстрел Карповича, уложивший министра народного просвещения Боголепова. Политический террор подымал свою голову и на арене политической жизни возрождала традиции Народной Воли новоявленная партия социалистов-революционеров. Поэтому политический террор, как система борьбы, была предметом дискуссии и притом весьма жаркой.

Равным образом и другой террор – экономический вызывал горячие дебаты, так как в Белостоке он и раньше довольно часто применялся рабочими по отношению к легко доступным для такого рода воздействиям лойнкетникам и штрейкбрехерам. Обычными формами такого террора были побои, разбивание стекол в квартире, обливание серной кислотой. Даже весьма сознательные рабочие не находили в этих приемах ничего предосудительного и уверяли, что без них нельзя будет достигать успеха. Недаром, в том же Белостоке так пышно расцвел анархизм, когда в 1904–1906 гг. политическая борьба достигла апогея. В последние месяцы нашего пребывания в Белостоке туда приехал вернувшийся из ссылки в Сибири виленский рабочий молодой парень Иоська לייטו⁸, необыкновенно горячий, готовый в любой момент уткнуть противника кинжалом, с которым он не расставался. Немедленно по приезде он нашел себе компанию и занялся агитацией низкопробного анархизма, которая находила кой у кого отклик. Много вреда наделал позднее белостокскому движению этот грубый, звериный «анархизм», весьма понравившийся местной организации «жуликов»*. В бурную эпоху первой русской революции он дал пышные всходы в лице «экспроприаторов» и «комбинаторов».

Анархизм был поэтому тоже темой на дискуссиях.

Постановка на обсуждение вопроса о зубатовщине и «независимых» понятна, если вспомнить, что именно в эти годы зародилось и пережило себя это охранно-рабочее течение. В Белостоке оно совершенно не привилось, да туда агитация «независимых» и не докатилась, застрявши в Гродне. Зато член нашего Комитета Хаче Мунвис, уехавши на некоторое время в Минск, вернулся оттуда значительно зараженным ядом зубатовщины.

Вопрос о «саморазвитии» выдвинут был в связи с агитацией еврейских п.п.с.-овцев, цитаделью которых был г. Гродно, откуда они пытались воздей-

* Эта «организация» носила сплоченный характер. Некоторые представители ее были известны нашим рабочим. Однажды приехала в Белосток работница, кажется Этка-портниха и в тот же день у нее вытащили на Липовой улице кошелек с единственным ее достоянием – семью рублями. Об этом трагическом случае было дано знать предводителям воровской шайки, и кошелек был возвращен сейчас же с извинением и с просьбой впредь делать какой-нибудь знак в кошельке, по которому они могли бы узнать членов Бунда.

ствовать на белостокских рабочих. Душою этой агитации был Петр Иванович Шумов, бывший студент и член Петербургской с.д. организации «Рабочее знамя» и «Русской С.Д. Партии». На первый взгляд кажется курьезным такое сочетание: *еврейские* рабочие *литовского* города Гродно, под руководством *русского* интеллигента, называющие себя сторонниками *Польской* социалистической партии. Курьез усиливался еще потому, что они были *против* массовой политической борьбы, за *самообразование* и в то же время *против интеллигенции*. Это была в сущности старая виленская «оппозиция» Абрама резчика, обвинявшая интеллигенцию в стремлении использовать рабочий класс для своих интеллигентских политических целей. Рабочим нужно прежде всего учиться и развиваться. Им нужны кружки саморазвития, а не политическая борьба и стачки. В этом последнем пункте – относительно экономической борьбы – они разнились от минских «независимых», выступавших тоже против интеллигенции и политики, тоже за саморазвитие, но в то же время за экономическую борьбу под защитой жандармов. Агитация еврейских «п.п.с.-овцев» имела некоторый, весьма впрочем незначительный успех у части рабочих, достигших в экономической области всего, по их мнению, возможного, боявшихся политических треволнений и желавших только спокойно читать и развиваться. Как курьез, надо указать, что в П.П.С. некоторыми из таких рабочих ценилось то, что она имеет нумера американского *צוקוקט*⁹, серьезного еврейского журнала, каковыми не обладала наша организация. Слава «цукука» вербовала им приверженцев. В *צוקוקט* было много статей на общеобразовательные темы.

Если вспомнить далее, что именно в эту эпоху возник политический сионизм, выделивший затем из себя демократические и социалистические течения, что именно тогда появился в недрах Бунда национальный вопрос, то станет понятным, почему и эти вопросы были темами, обсуждавшимися на дискуссиях. В дальнейшем мы к ним вернемся в связи с III и IV нашими съездами, на которых вообще обсуждались почти все из перечисленных только что вопросов. Наконец, вопрос о том, как держаться на допросах опять-таки имел самый злободневный характер, так как политический разврат, вносимый Зубатовым в среду политических арестованных, требовал выяснения всего вреда дачи на допросах каких бы то ни было показаний. Как раз в это время вышла в издании «Союза русских с.д. за границей» книжка Бахарева, защищавшая отказ от дачи показаний. Однако рабочим нашим на дискуссии было весьма трудно усвоить необходимость такой тактики. Они находили, что она сразу дает возможность охранникам выделить сознательных деятелей из общей серой массы арестованных. Мы видоизменили эту тактику, допустив, вместо отказа от показаний, повальное отрицание обвинений, знакомств и т. п.

ЦДАГО України. Ф. 41. Оп. 1. Спр. 11. Арк. 16–34.

¹ Лойнкетники – ткачі-підприємці, які брали сировину від виробників або торговців і повертали їм готові ткани вироби.

² Дер тате (*ідіш*) – батько.

³ Шпулярка – робітниця, яка працює з бобінами ткацьких верстатів, слідкує за їх завантаженням.

⁴ Нуперкес – робітниця, яка тримає нитку, що рухається до бобіни.

⁵ Шереркес – робітниця, яка з'єднує і відрізає нитки.

⁶ Гарбер (*idiu*) – чинбарі.

⁷ Шнайдер (*idiu*) – кравці.

⁸ רעדינג (*idiu*) – подвійне підборіддя, зоб.

⁹ מפנוקוצ (*idiu*) – «Майбутнє».

The memoirs of the doctor Moses Rafes, one of the General Jewish Workers Union in Lithuania, Poland and Russia (Bund) founders, are published. The memoirs describe the organization structure, the daily life of its members and change of their views on the political activities of the union.

Key words: Bund; socialism; anarchism; labor movement; Bilostok.